– Почему я должен бояться? – Цэнь Бай Хэ тихо рассмеялся: – Это довольно красиво.

Уголки рта Ци Яня дёрнулись. Молодой человек чувствовал себя странно, когда его хвалили за ногу.

– Мастер Ци, вы готовы? – Чжао Чжи Чэн постучал в дверь, чувствуя беспокойство и осторожность, как будто он беспокоился, что стук в дверь расстроит Ци Янь.

Надев тапочки, Ци Янь открыл дверь и сказал Чжао Чжи Чэну:

– Я спущусь через некоторое время, как поживают остальные?

Чжао Чжи Чэн заметил, что Ци Янь всё ещё был одет в пижаму, и немного смущённо сказал:

– Извините, что побеспокоил Вас. Машина уже готова снаружи. После того, как Вы все позавтракаете, мы отправимся в горы.

– Хорошо, – Ци Янь натянул пижаму. – Мы с Бай Хэ спустимся в столовую, как только переоденемся.

Только тогда Чжао Чжи Чэн увидел Цэнь Бай Хэ, стоящего позади Ци Яня, и с улыбкой кивнул ему. Цэнь Бай Хэ слегка кивнул в знак вежливости:

– Мастер Ци, господин Цэнь, тогда я не буду вас беспокоить, – повернув голову, мужчина сумел выдохнуть, а его напряжённые плечи расслабились. Чжао Чжи Чэн подумал, что лицо господина Цэня выглядит не очень хорошо, и подумал, не плохо ли он спал прошлой ночью.

* * *

В десять часов утра пятнадцатого дня восьмого лунного месяца члены Специальной оперативной группы повели девять высокоуважаемых Мастеров в горы. Всем остальным сотрудникам не разрешалось приближаться к горе. Репортёры, которые услышали новости, были остановлены местной полицией, как только они вошли в город Вансян. Им сказали, что это для их безопасности.

В таком отдалённом маленьком городке любого, кто приходил, легко было заметить, поэтому горы тщательно охранялись. Им даже не разрешили пройти через горы. Репортёры пожаловались, что у них есть свобода прессы, но офицер приказал им вернуться.

– Это дело связано с национальными военными секретами. Если кто-то хочет рискнуть своей жизнью, чтобы проникнуть внутрь, тогда у нас есть основания подозревать, что вы можете быть шпионами, посланными иностранными силами.

Когда дело доходило до политики страны, никто не осмеливался вмешиваться. Увидев пулемёты, репортёр, который производил больше шума, чем кто-либо другой, внезапно потерял большую часть своего высокомерия. В конце концов, они только смотрели друг на друга и ждали, пока армия обезвредит все бомбы, чтобы они могли сфотографировать место происшествия для первой полосы.

* * *

Ци Янь и другие не знали о суматохе снаружи, они всё ещё были во внедорожнике, который трясся, как городской паркетник, направляясь к вершине горы, где находился центр магических формаций.

– Теперь ты знаешь, почему я говорил тебе не есть слишком много по утрам? – Ци Янь вышел из машины, с трудом подавляя чувство в животе. Он сочувственно посмотрел на Мастеров, которых рвало, достал из машины несколько бутылок воды и передал их Мастерам.

– Вам больше не нужно следовать за нами, – Ци Янь повернулся к Чжао Чжи Чэну и сказал: – Все, кто не имеет к этому никакого отношения, должны отступить и не приближаться к этим горам. Кроме того, если кто-то настаивает на том, чтобы войти в гору, не гонитесь за ними и не следуйте за ними сюда.

– Мастер Ци… – Чжао Чжи Чэн занервничал, услышав это: – Есть ли что-нибудь ещё, что нам нужно сделать?

– Нет, – Ци Янь опустил веки. – Просто приходите за нами завтра к завтраку после шести часов утра.

– Да, – Чжао Чжи Чэн посмотрел на этих Мастеров. Его ноги были тяжёлыми, как тысяча цзиней (1), и мужчина не мог сделать шаг, чтобы уйти.

– Ладно, поторопитесь, – Мастер Сюй смахнул пыль с рукавов. – Не мешайте нашей церемонии.

– Да, – Чжао Чжи Чэн стиснул зубы, сел в машину с Гао Жун Хуа и другими его коллегами, покидая это место, наполненное злыми духами.

– Капитан, они добьются успеха? – Сян Цян обернулся и посмотрел за машину, только чтобы увидеть неровную горную дорогу и густые кусты по обе стороны дороги. Кипарисы покрывали всю гору зеленью.

– Да, – сказал Чжао Чжи Чэн серьёзным тоном. – Они определённо это сделают.

* * *

– Духовные инструменты! – крикнул один из Мастеров. Цэнь Бай Хэ понял, что каждый из них принёс свои собственные шкатулки. Даже Цянь Цянь, который обычно ходил с пустыми руками, принёс деревянную шкатулку с замысловатыми резными узорами.

Его взгляд продолжал падать на Ци Яня, и Цэнь Бай Хэ видел, что отношение Цянь Цяня было более осторожным, чем когда-либо.

– Я, Ци Янь, ученик двадцать третьего поколения, с уважением приглашаю духовный инструмент моего учителя, – Ци Янь опустился на колени и обеими руками открыл деревянную шкатулку. Затем он трижды поклонился и достал мантию, которую надел на своё тело. Одеяние отличалось от обычных даосских одежд. Мантия была не жёлтой, а алой. В центре мантии была вышита карта багуа (2), а в других местах были узоры из облаков, драконов и фениксов. Это выглядело хаотично, в отличие от традиционных даосских одежд.

Тем не менее Ци Янь был очень уважителен, когда надевал мантию. Он надел не только мантию, но и хлопчатобумажные ботинки на зелёной подошве. На дне коробки была маленькая вышитая коробочка шириной в детскую руку. Ци Янь провёл пальцами по шкатулке и достал из неё кусочек нефритового амулета.

---

1. 兩 (liǎng) – лян – весовая единица, равная 1/16 части цзиня, китайского фунта (斤), или 24 чжу (銖). Один цзинь – это примерно полкило, так что лян – чуть больше тридцати двух граммов.

2. 八卦 (bāguà) – багуа – восемь триграмм [Ицзина] (порядок их: а) в «Ицзин»: 乾, 坤, 震, 巽, 坎, 离, 艮, 兑; б) по старшинству обозначаемых ими членов семьи 乾, 坤, 震, 巽, 坎, 离, 艮, 兑: отец, мать, старший сын, старшая дочь, средний сын, средняя дочь, младший сын, младшая дочь). Восемь триграмм гуа используются в даосской космологии, чтобы представить фундаментальные принципы бытия. Триграмма – особый знак гуа, состоящий из трёх яо – линий, сплошных или прерывистых. Все возможные комбинации трёх яо образуют восемь триграмм.

http://tl.rulate.ru/book/4114/118826